

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АЛИСА ЖДАНОВА

АДЕПТКА ЭМИЛИ

Волшебная академия (АСТ)

Алиса Жданова
Адептка Эмили

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жданова А.

Адептка Эмили / А. Жданова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Волшебная академия (АСТ))

ISBN 978-5-17-156439-1

Сирота Эмили спокойно училась в пансионе благородных девиц и мечтала о большой счастливой любви. Но счастье дается лишь тем, кто готов за него бороться. Новый опекун девушки, весьма сомнительный тип, решил жениться на Эмили, чтобы не потерять контроль над состоянием, доставшимся ей от родителей. Девушка решает сбежать и спрятаться от опекуна до совершеннолетия. Правда, единственное место, где ее гарантированно не обнаружит магический поиск, – это академия магии. И да, это мужская академия. Ну что ж, по крайней мере, найти жениха в таком месте будет проще простого. Знакомьтесь – адепт Эмили, то есть Эмиль, прибыл на обучение!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156439-1

© Жданова А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алиса Жданова

Адептка Эмили

© А. Жданова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

– Эмили, тебе письма! – Ронда, вручив мне стопку конвертов, улыбнулась и пошла разносить почту дальше.

Сегодня она была дежурной и помогала нашей директрисе, мадам Фоббс. Сейчас все воспитанницы пансиона сидели в общей гостиной, и подруге не пришлось бегать по нашему двухэтажному корпусу: все ее адресаты оказались в одном месте.

Письма были уже вскрыты и прочитаны нашей директрисой, дабы ни одна нежелательная строчка не проскользнула мимо ее бдительного взгляда и не смутила покой воспитанниц. Поэтому мне осталось лишь достать первое письмо из конверта и начать чтение. И тут же слегка помятые страницы выпали из моих рук, потому что в них сообщалось, что мой опекун, дядюшка Олаф, скончался, и новым опекуном станет какой-то мистер Фиггинс. Первый раз слышу эту фамилию! Кто это вообще?

Собрав листы с пола, я закрыла глаза и медленно вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться. Я видела дядюшку Олафа всего пару раз, но за последние годы он заботился обо мне лучше, чем того заслуживала малознакомая дальняя родственница. Благодаря ему я училась в превосходном пансионе, а мои платья на балах, куда нас вывозила мадам Фоббс, были ничем не хуже, чем у других девушек. Может, я хотя бы успею попасть на похороны, чтобы отдать дань уважения?

Вчитавшись в письмо от поверенного дядюшки Олафа заново, я с сожалением узнала, что его похоронили еще неделю назад, а мне просто забыли сообщить – пока из пансиона не пришел очередной счет, и поверенные не вспомнили, что неплохо бы поставить меня в известность.

– Бедный дядюшка Олаф, – пробормотала я. – Нужно написать его дочерям письма с соболезнованиями.

Теперь аномальная толщина стопки писем стала понятна – наверное, это были соболезнования мне. Однако, вопреки ожиданиям, второе письмо оказалось посланием от моего нового опекуна, мистера Фиггинса. Вздохнув, я поднесла первый лист к глазам, но уже через несколько секунд вскочила на ноги, потому что в письме мистер Фиггинс в самых вежливых выражениях приказал мне выйти за него замуж. В следующие выходные.

– Да как он смеет! – с возмущением прошипела я.

Незнакомый мне пока мистер Фиггинс вряд ли влюбился в меня с первого взгляда, так как мы никогда не встречались. Скорее, приступив к опекунству и изучив, сколько приносит мое поместье и удачно вложенные дядюшкой Олафом средства, он решил не упускать плывущий ему в руки куш. А тот скоро должен был так же стремительно из них уплыть, потому что через два месяца мне исполнится восемнадцать лет, после чего потребность в опекуне отпадет.

Нужно поговорить с мадам Фоббс, решила я и, не откладывая в долгий ящик, направилась в директорский кабинет. Мадам всегда хорошо ко мне относилась... Может, она сумеет помочь?

Дорога до кабинета казалась бесконечной. Наконец я постучала в тяжелые двери из темного лакированного дерева и, получив разрешение, зашла внутрь.

– Увы, ничего сделать нельзя, – развела руками почтенная дама, выслушав мой сбивчивый рассказ. – С точки зрения закона, он имеет полное право заставить свою подопечную выйти замуж за того, кого считает наиболее подходящей для нее партией.

– Может, вы хотя бы знаете, как он выглядит? – с совершенно несчастным видом спросила я. – Сколько ему лет?

Может, этот Фиггинс молод и хорош собой?

– Вроде бы я о нем что-то слышала, – мадам Фоббс задумчиво побарабанила пальцами по подбородку. – Да, точно, мне о нем рассказывали. Боюсь, он старше тебя раза в три, и у него уже взрослые дети твоего возраста.

Кошмар! Мало того что этот тип, судя по всему, намеревается прикарманить мои средства, так он еще и почти старик! И не стыдно ему?

– Однако, – тут мадам Фоббс, кашлянув, бросила грозный взгляд на свою секретаршу, и та тут же упорхнула из кабинета, – до твоего совершеннолетия осталась всего пара месяцев. Может, тебе есть у кого временно погостить? Какие-нибудь дальние родственники, у которых тебя не станут искать?

Я задумалась. Родственников у меня мало, а тех, у которых меня не будут искать, и вовсе нет. Однако... мне могли помочь друзья! Точнее, друг.

– Вот и славно. – Поняв, видимо, по моему посветлевшему лицу, что я нашла решение, директриса встала. – Знаешь, на этой неделе я буду водить всех учениц на прогулки в парк. А у меня в последнее время такое плохое зрение, что я не вижу дальше собственного носа, – посетовала мадам Фоббс, и я, поняв, о чем она, горячо поблагодарила и, присев в книксене, покинула комнату.

Если я поняла все правильно, мадам Фоббс намекает на побег. Да это же гениальная идея! И я даже знаю, кто мне поможет и у кого можно будет спрятаться, – у моего друга детства, Генри Кармайкла.

В общем, я решила поступить как настоящая женщина и перевалить свои проблемы на мужчину. Однако для этого мне требовалось для начала с ним встретиться. Поэтому, когда в этот же день после обеда мы стройной колонной выдвинулись из пансиона в парк, я была начеку.

Мадам Фоббс шла впереди, словно ледокол, раздвигая в стороны редких прохожих, а мы гуськом следовали за ней. Все воспитанницы носили одинаковые голубые жакеты, одинаково скромно смотрели в землю и вызывали одинаковое одобрение проходящих мимо джентльменов. На одного из них – зеленоглазого шатена в безупречном темном пальто и шляпе – я выразительно посмотрела и несколько раз кивнула в сторону парка. Он, кивнув в ответ, тут же изобразил скучающий вид. Однако я знала, что едва наша группка скроется за поворотом, как он понесется по проулкам огромными прыжками, чтобы прибыть на наше место раньше меня. Генри всегда бегал быстрее, чем я.

В парке, как обычно, мы размеренно пошли по дорожке, подстраиваясь под шаг мадам Фоббс. Директриса, верная своему обещанию, смотрела на облака, на птичек – куда угодно, только не на нас. Стоило нам поравняться с клумбой пышных роз, как я, приотстав, в два шага скрылась за ними и пробралась по знакомой дорожке среди густой растительности.

– Генри, ты уже тут! – обрадовалась я, выходя из-за деревьев к беседке, густо обвитой плющом. – Мне срочно нужна твоя помощь!

Мой друг, подпирающий стену беседки, отлепился от нее и пошел мне навстречу. Каждый раз удивляюсь, как он вымахал за последние пару лет! Я еще помню времена, когда мы с Генри были одного роста, а теперь моя макушка едва достает ему до плеча.

– Что такое? В пансионе опять объявили диету перед балом? Ты же знаешь, я всегда готов прийти на спасение даме, – шутливо отозвался Генри, протягивая мне пакет с эмблемой кондитерской. Заглянув в него, я с благодарностью посмотрела на друга:

– Спасибо! Шоколадные, мои любимые!

– Я не зря ношу почетное звание лучшего друга, – хвастливо заявил он, и я стукнула его перчаткой, чтобы не зазнавался.

– Генри, у меня проблемы посерьезнее диеты на овсянке, – трагично произнесла я, деловито запихивая пакет в карман: в пансионе у меня были подруги, которые тоже хотели пирожных. Карман от этого криво вспучился, но ничего, как-нибудь протащу контрабанду в панси-

онат, не впервой. – Мой опекун, дядюшка Олаф, умер... А новый, какой-то мистер Фиггинс, требует, чтобы я вышла за него замуж!

– Что? – Генри, до этого слушающий меня со спокойным выражением, дескать, какие могут быть проблемы у девушки, округлил глаза. – Он что, может просто так взять и потребовать?

– Да, – уныло подтвердила я. – Мадам Фоббс сказала, что по закону до своего совершеннолетия я должна его слушаться. А до этого целых два месяца, он десять раз успеет взять меня в жены!

– Тогда выходи быстренько за меня, – предложил друг, и тут округлила глаза я.

– Ага, а потом ты влюбишься и будешь обвинять меня в том, что из-за меня не можешь взять свою избранницу в жены, – скептически отозвалась я. Да и мне хотелось выйти замуж по любви, а не за Генри. Не то чтобы он был плох, просто... это же Генри! Лучший друг, которого я знаю с пеленок. Мы вместе лазали на чердак и пугали служанок, набросив простыни на голову и притворяясь привидениями. Если я до сих пор не влюбилась, то этого уже точно не случится.

– Кстати, – оживился Генри, и его глаза загорелись в предвкушении. – Как тебе Китти Ватсонс, с которой я танцевал третий танец на последнем балу? Одобряешь?

Подумав пару минут, я безапелляционно бросила:

– Нет. Ты ее не любишь.

– Это почему? – возмутился он. – Я чувствую себя очень даже влюбленным! Вчера я почти написал грустный стих. Хочешь, продекламирую?

– Потому, – наставительно ответила я, садясь на скамейку перед беседкой и чувствуя себя ужасно умудренной опытом. Опыт был не моим собственным, а позаимствованным из книг, ну да ладно. – Потому что когда ты по-настоящему влюбишься, то приведешь свою даму сердца ко мне и скажешь: «Вот моя невеста. Я люблю ее и собираюсь жениться, и тебе придется принять мое решение». И не будешь спрашивать моего мнения. Вот тогда я пойму, что ты действительно влюбился.

– И откуда в тебе столько мудрости? – притворно восхитился Генри и нажал мне на нос, чтобы не зазнавалась. – Ладно, так что будем делать с твоим женихом-опекуном? Может, сбежишь из своего пансиона и поживешь в моем городском особняке? Хотя нет, там тебя быстро найдут. Тогда давай я сниму тебе тихий домик в пригороде! Переждешь чуть-чуть, и будешь свободна от всяких Фиггинсов.

– О, отличная мысль! – обрадовалась я. Сама я до совершеннолетия не могла распоряжаться ни центом, поэтому предложение друга было весьма кстати. – И еще мне понадобится служанка, и кухарка, и...

– Ничего не выйдет, – вдруг перебил меня Генри, и нарисовавшиеся перед моим мысленным взором служанка с кухаркой растаяли, как дым. – Тебя будут искать, а магический поиск сразу же покажет, где ты. Поэтому нужно спрятаться в месте, где из-за магических колебаний поиск сбоит и человека невозможно обнаружить.

– А что это за места? – деловито спросила я. Генри учился в самой настоящей магической академии, и в вопросах магии ему можно было довериться. У меня тоже имелся дар, но в нашем пансионе уделяли больше внимания вышивке, чем заклинаниям.

– Тюрьма, дворец, дом для душевнобольных магов, – с воодушевлением перечислил Генри, плюхаясь рядом со мной и загибая пальцы. Я скривилась – попасть в одно из этих мест было невозможно, а в остальные как-то не хотелось. – О, и магические университеты и академии тоже! Там столько магов в одном месте, что заклинание поиска просто не работает. Придумал! – Он вдруг развернулся ко мне со вспыхнувшим энтузиазмом во взгляде, и я поежилась. Последний раз, когда я видела этот взгляд, мы сбежали поглазеть на ярмарку, и потом меня на месяц оставили без сладкого. – Ты можешь поступить в мою магическую академию!

– Генри, – я мягко улыбнулась. Мадам Фоббс учила нас, что, когда мужчины говорят глупости, им нужно противостоять с улыбкой, – но... это же мужская магическая академия!

Глава 2

– Вот именно! – Генри воздел палец к небу, словно призывая его в свидетели своей гениальности. – Девушку там искать не будут! Переоденешься в мужской костюм – и сойдешь за адепта академии. Помнишь, какой миленький из тебя получился пастушок на домашнем спектакле два года назад?

Вообще-то это было два года назад, как он верно отметил. Я недовольно засопела. Кое-кто мог бы сделать вид, что за последние два года я так расцвела, что теперь уж меня за пастушка не примут. Хотя, конечно, если не надевать корсет, а наоборот, обмотать талию полотенцем, чтобы казалась шире, и надеть тугое белье...

– Нет, – одумавшись, я покачала головой. – Меня же поселят в одну комнату с мужчинами! Моя репутация будет разрушена, не говоря уже о том, что они мигом меня разоблачат.

– Поселишься со мной, – предложил друг, – а я это время стану ночевать в своем городском особняке, старшекурсников отпускают. Будешь одна в комнате, и никто тебя не побеспокоит!

А ведь если я буду жить одна, то риск гораздо меньше... Я могу просто сидеть целый день в комнате, ну и изредка ходить на занятия. Мне же не важны оценки? Вот и стану неуспевающим студентом, зато через два месяца выйду на волю, то есть из академии, уже свободным человеком, которого никто не заставит выйти замуж!

– А документы? – вдруг вспомнила я одно немаловажное обстоятельство.

– О, как тебе повезло, моя дорогая Эмили! – Генри с достоинством поклонился, словно ему всю рукоплескала восторженная публика. – Ведь у меня есть знакомый, у которого есть знакомый, который может добыть что угодно. Будут у тебя документы.

– Фальшивые? – возопила я и тут же, оглянувшись, перешла на шепот: – Генри, тебе не нужно водиться с такими знакомыми! Пообещай, что ты не будешь иметь с ними дела!

– Пообещаю сразу после того, как добуду тебе фальшивый паспорт и метрику, – заверил Генри. – Ну так что, согласна на эту авантюру?

Я напряженно размышляла. Конечно, будь у меня возможность спрятаться в женской академии магии, все было бы гораздо проще. Но, к сожалению, в Эггерионе учиться в университетах и прочих академиях могут только мужчины. Женщинам же уготована судьба хранительниц очага, и образование, по мнению большинства, нам ни к чему. Так что и выбора, где прятаться, у меня особо не оставалось. Генри прав. Когда этот мистер Фиггинс поймет, что все денежки, поместья и земли, уже было оказавшиеся в его руках, могут так же быстро из них выскользнуть, он не поскупится и пустит по моему следу магов. И если я не спрячусь в академии, то найдут меня быстро.

– Я согласна, – храбро заявила я. Если правда откроется, то моя репутация будет разрушена, и ни один приличный человек не станет со мной даже здороваться. А если я не решусь на эту авантюру, то скоро стану миссис Фиггинс – и тогда даже все приличные люди мира, здоровающиеся со мной с утра до вечера, покажутся слабым утешением. Однако, посмотрев на Генри, я заметила в его взгляде не восхищение моим мужеством, а скепсис.

– Все же ты не очень похожа на парня, – заявил он голосом нашей учительницы рукоделия, которой пытаются сдать вышивку с торчащими нитками. – Попрошу-ка я, чтобы тебе сделали иностранный паспорт. Будешь лотариндцем! Всем известно, что мы, эггерионцы – смелые и статные, а они – тощие и хилые, только и горазды скакать на балах и распевать романсы. Так что не забудь про акцент.

Я подумала, что лотариндцы, наверное, думают то же самое о нас – не то, что мы скачем на балах и поем романсы, а то, что мы хилые, а они статные, и бросила на Генри укоризненный взгляд. Однако тот уже вбил себе в голову, что я буду убедительнее смотреться в роли уче-

ника-иностранца. Вздыхнув, я решила ему не перечить. Мадам Фоббс учила нас: если мужчина твердо что-то решил, то лучше с ним соглашаться.

– Хорошо, пусть будет иностранный паспорт, – кротко отозвалась я. – Только вот акцента от меня не требуй, я тут же собьюсь! Лучше буду ассимилировавшимся иностранцем, который прожил в Эггерионе много лет, но вкусил недостаточно овсянки, чтобы похвастаться впечатляющим ростом.

– Отлично! – хлопнув в ладоши, объявил Генри. – Тогда будь готова через три дня, я явлюсь тебя похищать.

Похищение случается в жизни не каждый день, поэтому к нему следует тщательно подготовиться. Особы романтические собрали бы полный чемодан нарядов, чтобы томно возлежать в них на подушках в плену у похитителей, пока те не влюбятся. Особы практичные приготовили бы шпильки для взлома замков, веревку для побега из окна и прочие полезные вещи. Я же поступила по-другому.

Во-первых, я тщательно изорвала все свои письма, а потом сожгла их огненным заклинанием. Огненная стихия начала откликаться во мне несколько лет назад, и, хотя в пансионе нас толком не учили, что-то я все же умела. Например, создать небольшой шарик и сжечь письма, не спалив при этом полпансиона.

Затем я собрала все свои вещи в чемодан и попросила пробежавшего по коридору слугу отнести их ко входу, сопроводив просьбу монеткой. Убедившись, что комната девственно чиста и нигде не завалилось ни расчески с волосами, по которым легко найти человека, ни незамеченных вещей, я вышла и направилась в кабинет директрисы.

С подругами по пансионату я попрощалась еще вчера вечером. Конечно же, я не сообщила им, что собираюсь сбежать, и поэтому удостоилось массового сочувствия: все уже откуда-то знали, что меня заставляют выйти замуж за жуткого мистера Фиггинса втрое старше.

«Ничего, – подумала я, отгоняя муки совести, возникшие при воспоминании, как подруги пытались утешить и приободрить меня. – После дня рождения, когда опасность минует, я закажу для них самый огромный торт из лучшей кондитерской! Хотя даже тогда я не смогу рассказать, где пряталась, иначе моя репутация будет разрушена. Скажу, что уехала к дальним родственникам или вообще за границу. В Лотариндию».

Вспомнив про свое новое амплу иностранного адепта, я улыбнулась и толкнула тяжелую дверь директорского кабинета.

– Мадам Фоббс, – присев в книксене, я уставилась в пол, демонстрируя овечью покорность судьбе.

– Ваша карета прибудет с минуты на минуту, милочка, – обратилась ко мне эта достойная дама. – Я надеюсь, вы успели сделать все, что намеревались?

Секретарша, сидевшая за соседним столом, казалось, была готова отрастить ослиные уши, чтобы лучше слышать, о чем мы переговариваемся. Однако я совершенно точно знала, что она не маг, и поэтому такое действие, как частичная трансформация тела, было ей недоступно.

– Да, мадам, благодарю вас за заботу, – отозвалась я, и директриса отпустила меня повелительным жестом. Сделав книксен на прощанье, я несмело улыбнулась ей и вышла из кабинета.

Пока шагала к выходу под конвоем бдительной секретарши, я украдкой оглядывалась, вспоминая, сколько всего произошло в этих стенах. Пансион мадам Фоббс, возможно, не был самым элитным учебным заведением в столице, но зато тут не считали нужным морить учениц голодом для достижения аристократической бледности и не били линейкой по рукам за плохое поведение, как в других школах. И если за это я просто благодарна нашей директрисе, то за предоставленную возможность побега я была готова кланяться ей в ноги. Как ни крути, а какие-то неприятности из-за моего исчезновения у нее точно возникнут.

– А вот и ваша карета! – преувеличенно радостно сообщила секретарша, мисс Лукас, распахивая передо мной входные двери. – Прошу, мисс Бишоп, не заставляйте мистера Фиггинса ждать!

Действительно, темно-синяя лаковая карета с золотистым гербом – кривоватый щит, какой-то цветок и поверх всего этого буква «Ф» – уже миновала ворота. Спустя пару минут, проехав по подъездной аллее, она остановилась перед входом. Церемонно попрощавшись с мисс Лукас, я сама открыла дверь и забралась внутрь. Бросив последний взгляд на секретаршу, я поняла, что та осуждает поведение моего неучтливового спутника. Ведь он даже не вышел из кареты, чтобы подать мне руку, а лишь отрывисто скомандовал кучеру уложить чемодан. Хотя такое нарушение приличий могут списать на почтенный возраст мистера Фиггинса.

Выдохнув, я опустилась на сиденье и только тут перевела взгляд на сидящего напротив человека. На человека в черном сюртуке, черных штанах, черной шляпе и с черной повязкой на глазах.

– Гони! – крикнул он, ударив тростью по стенке кареты, и мы понеслись вперед.

Глава 3

– Генри, и зачем ты так нарядился? – укоризненно спросила я, хватаясь за сиденье, чтобы не упасть.

– Как зачем? Это же похищение! – таким тоном, словно я спросила какую-то глупость, отозвался друг и неожиданно подмигнул: – К тому же тебе будет потом что вспомнить в старости. Так и расскажешь внукам: «Ах, когда я была молода, меня похитил таинственный граф, с головы до ног одетый в черное!»

Генри так комично изобразил писклявый голос кокетки, хлопая ресницами и прижимая руки к груди, что я не выдержала и рассмеялась. Однако тут я случайно посмотрела в окно, где мимо как раз проехала другая карета, выкрашенная благородной фиолетовой краской, с золоченой буквой «Ф» на двери, выполненной гораздо филиграннее нашей, поддельной. Пассажиры, худощавый мрачный тип с избородившими лицо глубокими морщинами, скользнул по мне безразличным взглядом, и я отшатнулась за занавеску.

– Ты чего? – удивленно спросил Генри, снимая свою маску.

– Там мистер Фиггинс, – громким шепотом произнесла я, словно он мог нас услышать, – который настоящий!

Генри тут же посерьезнел и приткнулся к окну, но смог разглядеть лишь оставленный каретой пыльный след.

– Вовремя успели, – произнес он, что-то напряженно обдумывая. – Он же собирался забрать тебя в выходные? А сегодня среда.

Осознав, что я была на волосок от свадьбы, я ощутила озноб. Промедли мы хоть на час – я бы уже ехала в карете с этим неприятным типом, похожим на высушенный финик. И ведь он даже не предупредил мадам Фоббс! Не то она бы намекнула, что он явится за мной раньше.

– У нас совсем мало времени, – подтвердил мои опасения Генри. – Сейчас этот Фиггинс придет в пансион, твой побег обнаружат и начнут искать. Сегодня Фиггинс, возможно, помечется, заявит в полицию, поищет тебя по родственникам, но завтра он точно догадается обратиться к магам. Значит, нам нужно попасть в академию уже сегодня.

Я согласно кивнула, хотя в душе все перевернулось от страха. До этого я надеялась на небольшую передышку перед тем, как придется притвориться парнем. Хотелось отдохнуть в городском особняке Генри, пройтись по магазинам... В конце концов, приобрести мужской гардероб. И вот опекун Фиггинс своим преждевременным появлением нарушил все мои планы. Впрочем, как и другие мои планы на жизнь до этого.

Уныло вздохнув, я устала в окно. Оказалось, мы уже ехали по центральной улице и как раз поравнялись с магазином готового платья.

– Мне нужно купить хоть какие-то вещи, давай остановимся на минутку, – попросила я друга, но тот лишь закатил глаза:

– Эмили, в академии носят форму, и я заказал тебе все необходимое еще в понедельник. Портные трудились три дня подряд, не покладая иголок и ножниц, и твою одежду уже привезли, – успокоил он, и я выдохнула, откидываясь на сиденье. Иногда Генри любил подучиваться, но когда дело шло о важных вещах, действовал методично и быстро.

– А мои документы? Тоже готовы? – на всякий случай уточнила я, и тут друг замялся.

– Готовы, только... только у того знакомого не было каких-то скрепок и обложек для лотариндского паспорта, и поэтому он сделал тебе другой паспорт, тоже иностранный.

– А что за страна? – спросила я. В принципе, мне было все равно, кем притворяться, лишь бы меня не обнаружили.

– Какое-то смешное название, – Генри наморщил лоб, изображая усиленную работу мысли. – И паспорт такой смешной... Розовый...

Мне слегка поплохело. У какой это страны розовый паспорт и смешное название? Он точно купил настоящие поддельные документы, а не, скажем, потешный Паспорт Лучшего Весельчака, который можно приобрести в магазине шуток и подарить другу на день рождения?

– А зовут тебя теперь Эмиль Вилар, – поспешно добавил Генри, видимо, заметив на моем лице легкую панику. – Очень распространенное, красивое и настоящее лотариндское имя! Моего портного так звали.

– Но ты же сказал, что у меня не лотариндский паспорт? – отчаявшись хоть что-то понять, я прижала руку ко лбу.

– Скажешь, что твоя семья – эмигранты из Лотариндии, жили за границей, в той самой смешной стране, как там ее, – Генри пожал плечами, – а тебя отправили в Эггерион получать образование, вот ты и приехал.

– А меня вообще возьмут в академию? – неуверенно спросила я, только сейчас подумав, что вообще-то там могут быть вступительные экзамены.

– Возьмут, туда берут всех с даром, – утешил меня друг и принялся выбираться из кареты, потому что она уже остановилась у подъездной аллеи его особняка. – Пойдем, дорогая Эмили, пора превратить тебя в Эмиля! – Тут он белозубо улыбнулся и подал мне руку, а я, вздохнув, вложила свои пальцы в его.

Превращаться в другого человека всегда сложно. И если, скажем, превращение в настоящую красавицу, которое произошло с Золушкой, меня бы очень даже обрадовало, то превращение из девушки в парня потребовало немалых жертв.

– То есть как это – нужно отрезать волосы? – с ужасом спросила я, когда Генри подступил ко мне с ножницами в руках.

– Они у тебя слишком длинные, – терпеливо повторил он. – В академии, конечно, учатся самые разные личности, маги вообще странноватые. Особенно Рыжий Том – не вздумай к нему подходить, а то можно вообще без волос остаться! Ну да про это потом. Я хочу сказать, что некоторые маги предпочитают длинные волосы, но если ты хочешь сойти за парня, то нужно будет подстричься. А то у тебя слишком... девчачий вид, – закончил он.

Его доводы были разумны, и я согласно кивнула. Но, едва Генри двинулся ко мне с ножницами, я снова отпрыгнула от него, как кошка от ведра воды.

– Я не могу! Без волос я буду страшная, и никто не возьмет меня замуж! – в панике выкрикнула я, отбегая за спинку кресла.

Для преображения мы с Генри выбрали его кабинет на первом этаже, где уже стоял собранный горничными чемодан с мужскими вещами. Моими мужскими вещами. Часть из них успела перекочевать из чемодана на меня. Генри настоял, чтобы я примерила форму, – нужно же понять, по размеру она или нет? Форма подошла, и теперь я убежала от друга в темно-синих штанах, жилете и пиджаке. Бегать в них было удобнее, чем в платье, и в то же время вещи были какими-то слишком уж облегающими, особенно штаны, и я чувствовала себя словно голой. Бедные мужчины, как они носят этот кошмар всю жизнь?!

– А с волосами тебя тут же раскроют, и ты быстро вылетишь из академии и выйдешь замуж за своего Фиггинса, – безжалостно произнес Генри, и это заставило меня замереть на месте. За Фиггинса не хочу, я хочу по любви. – Держи, это для храбрости, – плеснув что-то в стакан, Генри протянул его мне, и, доверчиво хлебнув, я сразу закашлялась. Ну и гадость, это что, какое-то вино? Или что-то покрепче? Однако по жилам уже растекалось тепло, перед глазами все как-то поплыло, и я отчаянно махнула рукой.

– Режь, – самоотверженно произнесла я таким тоном, словно он собирался по крайней мере отхватить мне руку. Друг не стал ждать и, пока я не передумала, обкорнал меня так, что самые длинные пряди теперь оканчивались на уровне подбородка. Оканчивались бы, не будь мои волосы волнистыми. Когда они были длинными, то еще как-то распрямлялись под собственной тяжестью, а обрезанные коротко, тут же закрутились крупными локонами.

– Какой из тебя вышел милый мальчик, – умилился Генри, одобрительно оглядывая меня в зеркале.

Я последовала его примеру и не нашла ничего милого. Из зеркала на меня таращился тощий подросток неопределенного пола, с темными кудрями, испуганно распахнутыми голубыми глазами и в перекосившейся форме магической академии. Одернув пиджак, я выпрямилась и подумала, что как-нибудь протяну в этой академии два месяца, а потом обращусь к магам, и они отрастят мои волосы обратно. Ничего страшного, главное – избежать лап жадного Фиггинса.

Неплохо бы раздобыть его портрет. Когда мне придется особенно тяжело, я буду доставать его и вспоминать, ради чего это. Ради своей свободы.

– Я готова, Генри, – решительно произнесла я, оборачиваясь к нему. – Учи меня быть женщиной!

Оказалось, что быть женщиной – совсем не просто. Нужно было держать в голове кучу вещей. Как же они все это помнят? Может, поэтому и забывают все остальное, не столь важное, такое как чужие дни рождения и собственные обещания. Ну, то есть, мой день рождения пока никому было забывать, а с женщинами, кроме Генри, я почти не общалась. Но вот замужняя учительница рукоделия в пансионе рассказывала именно такое о своем супруге.

– Когда идешь, то делай шаг шире, – объяснял Генри, шагая по комнате, – одну руку закладывая за спину, второй слегка помахивай, держа в ней трость. Если сядешь, – он тут же показательно сел в кресло, – то расставляй ноги пошире, словно тебе жизненно важно захватить все пространство вокруг. Мужчины – хватчики, это в нашей крови.

Также в крови мужчин оказалось отстаивать свою точку зрения, терять вещи, любить мясо и быть постоянно голодным.

– Ни в коем случае не бери в столовой сладости! – предупредил меня Генри. – То есть мы их, конечно, едим, но тебе не стоит, чтобы не вызвать подозрений. Лучше ешь какую-нибудь ветчину, а пирожные я тебе потом контрабандой в комнату пронесу.

– Есть ветчину, – пробормотала я, стараясь запомнить все как следует. – Что еще?

– Еще тебе придется бриться, – добил меня Генри, – чтобы не вызывать подозрений. Хотя... мы же будем жить в одной комнате, просто упоминай при случае, что чуть не порезался, когда брился, и все. Ты поступишь на первый курс, то есть ничего сложного или опасного вам преподавать не станут, – пробормотал он себе под нос. – Ну и в любой непонятной ситуации беги ко мне и спрашивай, разберемся.

– Я не могу просто так убежать посреди разговора, – резонно возразила я.

– А ты притворись, что плохо знаешь наш язык, – предложил Генри, – и беги ко мне за помощью в переводе.

Я представила, что вдобавок к слишком миловидной внешности адепт Эмиль будет еще и косноязычным типом, неспособным к самостоятельному общению. Что-то мне подсказывает, что никто не захочет дружить с таким персонажем. Ну и ладно, так меньше шансов выдать себя.

– Пора ужинать, – услышав звон колокольчика, обрадовался Генри и, подскочив с кресла, посмотрел на меня с деланой строгостью: – И что ты хочешь съесть, мой друг Эмиль?

– Хочу мясо, ветчину и буженину! – с готовностью выпалила я. – Но съем лучше торт, потому что завтра такой возможности уже не будет.

– Слово моего друга Эмиля для меня – закон! – торжественно провозгласил Генри, и мы пошли есть, я надеюсь, торт.

Глава 4

После ужина мы не стали больше медлить – нужно было немедленно ехать в академию. Тяжело вздохнув, я в последний раз бросила взгляд на себя в зеркало прихожей и вдела руки в рукава поданного лакеем пальто. За ним последовали шляпа с тростью, и вот из зеркала на меня уже глядит молодой джентльмен весьма субтильной комплекции. Но, честно говоря, в верхней одежде вид у меня был гораздо более убедительный.

Выйдя на улицу, я остановилась перед каретой, от двери которой уже отклеили вырезанный из фольги фальшивый герб с буквой Ф. Теперь она выглядела куда элегантнее.

– Готова, то есть готов ли ты, дружище Эмиль? – спросил Генри и привычно подал мне руку. Я, так же привычно за нее схватившись, быстро сообразила, что мужчины не помогают друг другу забираться в карету, и поспешно отдернула ладонь. Так, нужно нам играть получше, иначе нас сразу раскроют!

Генри, вероятно, подумал о том же, потому что всю дорогу бормотал под нос: «друг Эмиль, друг Эмиль». Наверное, вживается в роль, с уважением подумала я, косясь на него. Нужно и мне последовать его примеру!

Значит, представляю себе, что я – с детства мужчина. Точнее, сначала была, то есть был, мальчиком, бегал в штанах, ловил лягушек и пауков. Потом я вырос и начал интересоваться тем, чем положено интересоваться джентльмену. Например, рыбалкой, охотой на лис... Хотя, зачем человеку нужно столько лис, я не понимала. Не шубу же шить, у нас зимой не так холодно. Тогда только рыбалка. Значит, я мужчина, я и дня не могу без рыбалки, а после нее иду в джентльменский клуб и читаю там газету... курю сигару... Мамочки, как же страшно, что меня раскроют!

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее меня трясло от волнения. Казалось, меня тут же разоблачат, а мою неуклюжую попытку обмана обсмеют. Однако, когда мы въехали во двор величественного здания в готическом стиле, я вдруг собралась и успокоилась. Может, из-за того, что происходящее было настолько фантастическим, что представлялось мне просто сном. Я, переодетая в мужчину, еду поступать в академию магии! Да скажи мне кто такое месяц назад – я бы сочла его сумасшедшим.

Выбравшись из кареты следом за Генри, я огляделась по сторонам. Основное здание академии, сложенное из красноватого камня, представляло собой квадрат. Прямо напротив въезда во двор располагался главный вход и высились две огромные башни. В центре двора шумел фонтан, а за зданиями смутно виднелся парк, пока еще зеленый – но скоро дыхание осени окрасит деревья в золотой и багряный. Красиво...

Пока Генри вел меня по длинному холлу с высоченными потолками, мимо нас то и дело пробегали адепты с книгами, котлами, склянками для зелий и пучками травы непонятно для чего. А перед самым входом в кабинет ректора мимо прошагала спортивная команда в заляпанной грязью алой форме. Они весело переговаривались, и от всей этой царившей в академии студенческой атмосферы мне вдруг ужасно захотелось учиться. Может, за эти два месяца я успею выучить что-то действительно интересное, а не очередные тридцать способов выведения пятен с обоев, которым нас обучали в женском пансионе?

– Профессор Филлипс, – Генри пару раз стукнул в дверь с надписью «Ректор Н. Филлипс» и, дождавшись разрешения, зашел внутрь. Я шагнула следом, пока Генри заботливо придерживал дверь. Он не мог теперь пропустить меня вперед как даму, но и просто бросить на меня дверь друг был не в состоянии. – Вот это ученик, о котором я говорил вам, а вот, – он извлек из-за пазухи большой мятый конверт, – его документы.

Пока Генри представлял меня, я во все глаза разглядывала кабинет, большой и захлащенный, и его обитателя – мужчину с всклокоченными волосами и очками с такими толстыми стеклами, что казалось загадкой, как через них можно хоть что-то увидеть.

– Так, так, – ректор тем не менее протянул руку и, вынув из конверта пачку бумаг, бегло их просмотрел. – Значит, Эмиль? Недавно прибыли в нашу страну?

– Да, профессор, – ответила я и, подавив желание присесть в книксене, неловко поклонилась, – я хотеть учиться магия.

– А вы хорошо знаете эггерионский? Может, для начала годик у лингвистов посидите, попривыкнете? – с сомнением протянул мужчина, и я в ужасе замотала головой.

– Нет, я быстро учить язык. Я хотеть учить магия, – упрямо отозвалась я, мысленно отвечивая себе подзатыльник. Вот кто просил меня изображать такой сильный акцент! – Я буду стараться.

Тут ректор достал из конверта паспорт, и мне захотелось отвесить подзатыльник уже не себе, а Генри и его знакомому, потому что паспорт был не просто розовый. Нет, он был такой насыщенно-розовый, словно вобрал в себя всю розовую краску этого мира, словно на него выкачали цвет из целой стаи фламинго, словно это был паспорт страны розовых феечек. Ужас! Кто вообще поверит, что это – настоящий документ?

Однако, вероятно, изнутри он смотрелся чуть достовернее, потому что ректор Филлипс только хмыкнул. Убрав мои документы в стол, он вытащил какую-то бумажку и начал карябать на ней механическим пером.

– Вот, держите, Эмиль, это ваша карточка на заселение, ключ возьмете у коменданта.

– Спасибо, – я еще раз поклонилась и протянула руку за бумажкой, но Генри меня опередил. Окинув взглядом закорючки ректора, он нахмурился, разбирая почерк, а потом вдруг возопил:

– Профессор, но это же третий этаж! Эмиль совсем ничего не знает в нашей стране, я хотел, чтобы он поселился со мной!

– Вот именно, ему нужно быстрее адаптироваться, и лучше всего, если он будет жить с одноклассниками, а не с вами, мистер Кармайкл. Вы, кажется, знаете иностранные языки, а Эмилю нужно тренировать эггерионский. К тому же его родители, господина Вилар, – тут ректор кивнул на ящик, куда убрал документы, – в своем письме очень трогательно писали, что хотят, чтобы их сын научился самостоятельности, и именно поэтому они решили отправить его учиться за границу. Если вы будете опекать Эмиля, он так и не повзрослеет. Верно, Эмиль?

Не зная, что сказать, я сначала кивнула, а потом помотала головой. Нет, нет, я не хочу жить с какими-то одноклассниками! Мы же с Генри договорились, что я буду жить у него, а он уйдет в свой городской особняк! Я не могу жить с мужчинами!

Однако ректор оказался глух ко всем мольбам моего друга. Когда же я попыталась уговорить профессора Филлипса сама, он воспринял это как еще одно доказательство моей несамостоятельности – дескать, я так боюсь взрослой жизни, что без Генри не могу ступить и шага. В конце концов нам пришлось смириться и, забрав карточку на заселение, понуро выйти из кабинета.

– Ну что? – спросил меня хмурый Генри, когда мы отошли от дверей. – Возвращаемся в мой особняк?

Я напряженно размышляла, отстраненно глядя на стену. На ней виднелась филигранная надпись, предназначенная для вдохновения студийцев: «Будущее в твоих руках». Пока что я держала в руках только бумажку на заселение, но от моего решения действительно зависело, стану ли я миссис Фиггинс или буду жить свободной мисс Эмили Бишоп. Почему-то дух возможностей, витающий в академии, вдохнул в меня веру, что все будет хорошо, даже если придется пожить в одной комнате с настоящими парнями.

– Нет, – решившись, я повернулась к Генри, – я остаюсь. Пойдем заселяться.

Мы прибыли в академию вечером, но, несмотря на позднее время, нам все же удалось разыскать коменданта общежития и взять браслет студента, который я должна буду носить все время. Он работал как ключ от комнаты и заодно служил пропуском в общедоступные места. Например, в библиотеку. А вот в какую-нибудь подземную лабораторию я просто не смогу зайти: если нет доступа, то при попытке проникнуть туда меня отбросит назад.

«Тюрьма какая-то, а не академия», – уныло подумала я, когда тонкая серебряная цепочка застегнулась на руке и словно сжалась, слившись в сплошную полосу. Хотя, наверное, это лучше, чем если бы тут по комнатам ночами ходили воспитатели и проверяли, спим мы или бродим в неположенных местах, как бывало в нашем пансионе.

После этого плохие новости, к счастью, закончились. Мою комнату мы с Генри отыскали довольно быстро, хотя комендант и не стал нам помогать, а, сославшись на поздний час, удалился. Внутри обнаружили всего две кровати, и обе пустовали. Видимо, мой сосед еще не прибыл – официально учебный год начнется только завтра.

Сама комната оказалась достаточно просторной и уютной. Кровати были застелены синими покрывалами с вытканными грифонами, символом академии, а стены – обклеены бледно-голубыми обоями. Между кроватями имелось окно, широкое и занавешенное светлой шторой, к которому был придвинут массивный письменный стол.

– Уроки можно делать тут, а можно в библиотеке, – пояснил Генри и указал на неприкрытую дверь в углу комнаты: – А там у вас, наверное, ванная.

За дверью действительно оказалась ванная комната, оснащенная не только, собственно ванной, но и раковиной, и зеркалом, и прочими удобствами, о которых галантный Генри не посмел бы заикнуться при дамах. Подергав защелку на двери и убедившись, что она хорошо закрывается, я вышла в комнату, куда как раз затаскивали мой чемодан.

– Спасибо, – мимолетно бросил Генри, поблагодарив слуг монеткой, и я вдруг поняла, что скоро он уйдет, и я останусь одна в академии, где вокруг куча мужчин. Сейчас, еще несколько минут, у меня был шанс отыграть все назад. Я могла вернуться в особняк Генри или сразу в пансион, жить жалкой жизнью, но при этом не стать изгоем общества. Если же сегодня я переночую в академии, и об этом узнают, то социальная жизнь Эмили Бишоп будет разрушена навечно, и меня не примут ни в одном приличном доме.

– Все нормально? – спросил зоркий Генри, который знал меня как облупленную и видел, что я сомневаюсь.

– Да, – помедлив всего миг, отозвалась я. – Все отлично. – И я даже улыбнулась, чтобы показать, как у меня все отлично.

Наверное, получилось достаточно фальшиво, потому что беспокойство во взгляде Генри никуда не делось, но он все же кивнул и, пожелав мне спокойной ночи, удалился.

«Что ж, – я вздохнула и, раскрыв чемодан, уставилась на кучу вещей. – Пора это все разобрать». Кстати, а в чем мужчины спят ночью? Не в ночной же сорочке? Как-то я забыла уточнить этот момент...

В конце концов мне удалось обнаружить на дне чемодана, под бесчисленными перчатками, жилетками и бриджами уютную фланелевую пижаму на несколько размеров больше. Облачившись в нее, я наконец-то легла в кровать. Ну и денек сегодня... Редко кому, наверное, удастся в один день сменить пол, имя и учебное заведение. Поэтому я так устала. Надо бы, конечно, разобрать чемодан, но сейчас у меня уже просто слипались глаза. Завтра займусь.

Однако «завтра» началось с истошных криков в коридоре, что мы опаздываем. Подорвавшись, я заметалась по комнате, пытаюсь одновременно одеться, причесаться и почистить зубы.

«Носки, – жалобно вопили в коридоре, – где все мои носки?» Через пару минут, когда я, едва взглянув в зеркало, уже выбежала в коридор, тот же голос облегченно выдал: «А, вот они, на люстре!»

Порадовавшись, что живу хотя бы не с тем адептом, у которого носки по ночам убегают на люстру, я зашагала по коридору, раздумывая, как бы найти столовую, где мы договорились встретиться с Генри. Вдруг одна из дверей открылась, и в коридоре показался парень с такими рыжими волосами, что создавалось впечатление, будто он окунулся в ведро с оранжевой краской. Его галстук сбился набок, волосы торчали во все стороны, но настроение было самое радужное.

Глава 5

– О, привет! – радостно поприветствовал он меня. – А я тут носки потерял, кое-как отыскал. Я Томас, а ты?

– Эмиль, – затравленно оглянувшись, я убедилась, что он обращается ко мне, и вдруг не к месту улыбнулась. Мадам Фоббс говорила нам, что улыбка – это главное оружие, и его можно применять в любой ситуации. – А где... столовая? Кушать?

Как и вчера, в моей речи сам собой прорезался ужасающий акцент, и Томас сначала моргнул, глядя на меня и пытаясь разобраться, чего я хочу, а потом махнул рукой куда-то в сторону лестницы:

– Пойдем, покажу. А ты из другой страны, да?

– Да, да, – усиленно покивав, я пошла за ним.

Он без умолку болтал, рассказывая, как искал свои носки и как в итоге пришлось надеть по одному носку из разных пар, и время от времени спрашивал меня, из какой я страны. Я рассеянно слушала его, кивая, улыбаясь и отвечая, как попугай:

– Моя страна далеко. Далеко-далеко.

К счастью, тут мы дошли до столовой. Издалека завидев Генри, я понеслась к нему со скоростью паровоза.

– Доброе утро, – при моем приближении друг начал было вставать, но на полпути вспомнил, что теперь я – не дама, и со вздохом сел обратно. Едва я опустилась на стул, как он тут же окинул меня внимательным взглядом, и тревога в его глазах постепенно улеглась.

– Как первая ночь в академии? – поинтересовался он, пододвигая ко мне поднос, на котором уже стоял завтрак и кофе. Я, сообразив, что вообще-то все несут себе еду сами от раздаточных столов, поблагодарила его кивком, ощутив внезапную неловкость. Генри столько для меня делает... В обед нужно будет прийти пораньше и самой сходить за едой, чтобы не утруждать его.

Я уже открыла рот, чтобы сообщить, что ночь прошла отлично, как вдруг взгляд Генри переместился за мою спину, и он еле слышно простонал:

– Рыжий Том! Я же просил, только не связывайся с ним!

– А? – Обернувшись, я увидела Томаса, лучезарно улыбающегося и протискивающегося между адептами. В его руках был поднос, и через минуту он плюхнул его на наш стол. Затем с шумом отодвинул стул, уронил свою сумку, наклонился, чтобы поднять ее, чуть не сбил стакан с чаем – Генри каким-то чудом успел его подхватить – и наконец сел.

– О, привет! – радостно поприветствовал он Генри, забирая у него из рук свой чай.

– Рыжий Том, – отозвался Генри, испытующе глядя на Томаса, – и как у тебя сейчас с магией?

Я выразительно глянула на друга – нельзя же называть человека по прозвищу прямо в лицо, вдруг он обидится! Однако Том ничуть не оскорбился, а лишь заверил Генри, одновременно жуя булочку:

– Все лето тренировался! За три месяца ни разу не пришлось новые шторы покупать!

Не понимая, при чем тут шторы, я перевела взгляд с одного парня на другого, и Генри пояснил:

– У Тома проблема со стихийными выбросами магии, а он огневик, вообще-то. Поэтому, если он соберется колдовать, беги куда подальше.

– Да, лучше бежать, а то можно без бровей остаться, – Том немного смущенно пожал плечами, и Генри обернулся к нему.

– Будешь колдовать возле Эмиля – руки вырву, – спокойно пообещал друг, – он мне нужен живой и с бровями. – От этой угрозы мне стало не по себе и даже есть расхотелось –

все же я не привыкла во время завтрака слышать обещания вырвать руки. Но Генри, тут же бросив на меня строгий взгляд, добавил: – Ешь быстрее, скоро звонок.

Кивнув, я молча заработала челюстями. Однако к тому моменту, когда прозвенел первый, предупреждающий звонок, я все равно не успела доест. Да в меня больше и не лезло – порции ведь были рассчитаны на мужчин.

– Пойдем? – поднявшись, я схватила свою сумку. Опоздывать в первый день не хотелось.

Когда мы проходили по столовой, с какого-то стола моему другу помахали, и он ответил сдержанным кивком, но не подошел. Я запоздало сообразила, что у Генри вообще-то в академии есть друзья. Обычно он, наверное, завтракает и идет на занятия с ними, вместо того, чтобы возиться с первокурсниками.

«Генри, спасибо тебе, – с неожиданной благодарностью подумала я. – Что бы я без тебя делала?»

Доведя меня до основного холла, друг, поколебавшись, уже было собрался свернуть в какой-то коридор. Однако Томас, все еще плетущийся за нами и рассказывающий увлекательные истории про поиски носков этим утром, вдруг удивленно произнес:

– Так у старшекурсников же занятия там! Я знаю дорогу, не переживай, – и он целеустремленно зашагал по этому самому коридору.

– Ладно, Рыжий Том уже третий раз на первом курсе, аудиторию должен найти, – с сомнением произнес Генри и ободряюще улыбнулся мне: – На обеде увидимся!

Помахав ему на прощанье, я развернулась и потопала за Томасом.

Генри оказался неправ. Томас, хоть и оставался на второй год уже три раза, не смог найти нужную аудиторию. Сначала у него вдруг порвался ремень на сумке, и все содержимое вывалилось на пол. Потом, когда мы с ним уже все собрали, он перепутал дверь и ввалился на занятие к второкурсникам. Так что в свою аудиторию мы влетели уже после звонка, запыхавшиеся и красные от бега.

– Опоздаем, – строго произнес преподаватель, грузный мужчина с подкрученными тонкими усиками. – Сегодня прощаю, но в следующий раз будете писать строчки. Садитесь скорее, занятие уже началось.

Сориентировавшись быстрее меня, Томас поспешно сел за последнюю парту, всего лишь сбив по дороге чью-то чернильницу и захав кому-то по уху сумкой. Я же, оглядев аудиторию, увидела лишь одно свободное место – прямо за первой партой, рядом с парнем, смерившим меня неприязненным взглядом.

Слегка поежившись, я все же села рядом и украдкой на него покосилась. Сосед был брюнетом весьма аристократичного вида, с изящными чертами лица – лица, на котором сейчас было написано высокомерное выражение, далекое от дружелюбия. Может, он подумал, что если я опаздываю, то, значит, я – безответственный ученик? Ну так я докажу, что прилежания мне не занимать. Отвлекать болтовней я никого не собираюсь, списывать тоже, так что переживать ему не о чем.

Вытаскивая из сумки учебник и пенал, я вдруг поймала на себе его косой взгляд и дружелюбно улыбнулась. Однако сосед лишь скривился и отвернулся, отчего я недоуменно моргнула. Ему что, не нравятся принятые в обществе проявления вежливости? Ладно, пусть думает, что хочет, лучше послушаю преподавателя. Все же мне придется учиться тут два месяца, не стоит расслабляться.

Первая лекция была вводной. Нам рассказывали историю академии, правила и обрисовывали, что мы будем изучать, – ожидаемо, магию. После этого преподаватель, представившийся Густавом Ферро, достал из стола круглый хрустальный шар. Все ученики по одному подходили к преподавательскому столу и, положив руки на шар, ждали, пока он определит их стихию.

Свою стихию я знала – огонь, как у Рыжего Тома, и поэтому, когда шар под моими руками окрасился багрово-красным, только кивнула. У моего соседа же оказалась ледяная стихия. Под

его пальцами хрустальный шар покрылся изморозью, и в нем медленно закружились снежинки, как в новогодних стеклянных шарах с домиками и блестками, которые продают на ярмарках. Красиво.

Брюнет, однако, никак не отреагировал на слаженный вздох общего восторга и все с тем же каменным выражением сел на место.

– Великолепный дар, э-э-э... – отметил преподаватель. – Как вас зовут?

– Эйден Хэйвуд, профессор, – отозвался тот, вставая.

– О! – Глаза профессора Ферро округлились, но больше он не стал ничего добавлять, а вызвал следующего адепта.

Я покосилась на своего соседа Хэйвуда, но обнаружила, что тот сидит вполборота и вполне может заметить мой интерес, и тут же отвела взгляд. Ладно, потом спрошу у Генри, что это за Хэйвуды такие, про которых говорят: «О!» И что это «О», собственно, означает.

Через несколько минут профессор успел проверить всех адептов. Больше всего в группе оказалось воздушников и водников, еще несколько огневиков и только один – ледяной маг.

– Ну вот, опять ни одного иллюзиониста, – грустно пробормотал себе под нос преподаватель. Если бы я не сидела на первой парте, то, пожалуй, даже не услышала бы его слов. Он так расстроился, что даже его усы, казалось, печально повисли. – Ладно, теперь переключка! – уже громче объявил профессор Ферро, беря в руки журнал. – Итак, когда я называю ваше имя, вы должны встать и сказать: «Тут, профессор». Начнем... Билл Адамс!

– Тут, профессор, – пробасил крупный детина с предпоследней парты, поднявшийся так грузно, что чуть не своротил соседний стол вместе с адептами.

– Хорошо, – преподаватель отметил что-то в журнале и перешел к следующей фамилии. И все шло гладко, пока он не добрался до моего имени.

– Виллир... Вилур... Эмиль Вилар! – уже громче объявил он, и я с готовностью поднялась.

– Тут, профессор, – скромно отозвалась я, уже ожидая, что сейчас он поставит отметку в журнале, и я сяду, как все. Однако вместо этого профессор Ферро вдруг уставился на меня внимательным взглядом, и я тут же похолодела. Неужели он понял, что я девушка?

– Вы иностранец? – спросил он через пару секунд и, когда я, покачнувшись от облегчения, кивнула, повторил чуть ли не по слогам и в три раза громче: – Вы говорите по-эггерионски?

– Да, – я испуганно закивала.

– Говорит, он все понимает! – влез в наш разговор Томас и, к счастью, отвлек внимание на себя. Профессор махнул рукой, позволяя сесть, и я буквально рухнула на стул. – Ему так нравится в Эггерионе, он мне все уши прожужжал! Он с детства мечтал учиться у нас и так страдал, так рыдал, пока родители не отпустили его за границу!

Я? Я же почти весь завтрак молчала и ничего такого точно ему не говорила! Вот же... сочинитель небылиц! Обернувшись, я с возмущением уставилась на Рыжего Тома, который подмигнул мне, совершенно уверенный, что оказывает немалую услугу, рассказывая о моем стремлении к учебе. Мой сосед, насмешливо хмыкнув, бросил на меня презрительный взгляд, и его четко очерченные губы беззвучно произнесли: «Нюня». Сердито фыркнув, я отвернулась. Грубиян!

– А, вижу, и вы тут, Альбертсон, – без особого восторга констатировал преподаватель, глядя на Томаса. – Ладно, переключка окончена. Итак, первокурсники, я ваш куратор. Со всеми вопросами идете ко мне или к своему старосте, старосту выберите сами. А теперь расскажу вам про наши дополнительные кружки, в которые, я надеюсь, вы все запишетесь.

Тут лицо мужчины из кислого и усталого вдруг стало воодушевленным, и он разразился тридцатиминутной речью о... театре. Как оказалось, Ферро был иллюзионистом, магом иллюзий, и заведовал местным студенческим театром. Там каждый год ставились спектакли, и театральная труппа даже занимала места на фестивалях любительской драмы. К сожалению, не

первые, но в этом году профессор Ферро намеревался исправить это упущение. «Даже если это будет стоить мне жизни», – добавил профессор, и его глаза фанатично блеснули.

В конце преподаватель пригрозил, что за каждую провинность мы будем работать в его театре – убираться и рисовать декорации, и предложил добровольно записаться в театральный кружок. Адепты, не стовариваясь, переглянулись, но никто почему-то не стал записываться, и я украдкой вздохнула. Я бы записалась, мне было бы интересно играть роль в пьесе – но лучше не привлекать лишнего внимания. Профессор в ответ на столь вопиющее отсутствие энтузиазма лишь разочарованно покачал головой и отпустил нас в библиотеку за учебниками и на обед.

– Вилар, – громко прокричал он мне чуть ли не в ухо, когда я проходила мимо, старательно обходя стремящихся в столовую адептов. – Если вам что-то непонятно, спросите у меня! Или у Хэйвуда! Так с ним дальше и сидите, пусть он вам помогает!

– Да, профессор, – отозвалась я, пытаюсь восстановить слух.

Зачем же так громко кричать, я ведь притворяюсь иностранцем, а не глухим... И только выйдя из аудитории, я поняла, что теперь не смогу даже отсесть от своего заносчивого соседа. Обернувшись, я мельком поймала взгляд Хэйвуда – недружелюбный и совершенно не исполненный готовности мне помогать – и поспешила в библиотеку. Я справлюсь. Эггеринский – мой родной язык, и его помощь мне не понадобится.

Два месяца. Мне нужно потерпеть всего лишь два месяца.

Глава 6

После библиотеки я едва успела забежать в комнату, чтобы бросить учебники, и сразу понеслась в столовую. Ко мне уже кто-то подселился: на полу комнаты стоял огромный чемодан с серебряной бляшкой герба, но самого адепта не было. Наверное, тоже пошел обедать.

«Вечером познакомлюсь», – подумала я, гадая, кто же это. Может, кто-то из моих одногруппников? Или у меня будет сосед из другой группы?

За обедом я следом за Томасом пошла к раздаточным столам, чтобы посмотреть, как тут все заведено. Оказывается, каждый брал поднос и мог выбрать себе все, что захочет, а не есть одобренные директрисой блюда, как было у нас в пансионе. Мадам Фоббс одобряла исключительно диетическую пищу, и, поняв, что в академии дают и бутерброды, и жареную картошку, и сладости, я в первый момент не поверила своим глазам.

Генри все не было, и я уже начала волноваться, как он зашел в двери и, быстро взяв себе еду, присоединился к нам. Вид у него был мрачный. Сев за стол, он указал на свои губы, а потом сложил руки крест-накрест. Я непонимающе моргнула – что это за пантомима?

– Профессор Мопкинс лишил их голоса за болтовню, весь курс, – тут же доложил Томас, который, похоже, знал все местные сплетни. Генри согласно кивнул. А, теперь понятно, почему в столовой тише, чем было утром, – потому что старшекурсники молчат.

– Кармайкл, – вдруг раздалось за моей спиной, и на стул напротив полетела чья-то сумка. – У вас последнее свободное место, сяду с вами.

Генри равнодушно кивнул голосу позади меня – похоже, они были шапочно знакомы. А вот я, похолодев, все надеялась, что ошиблась, – но нет. Говоривший обошел нас и оказался моим высокомерным соседом по парте, Эйденем Хэйвудом.

Небрежно разместив свой поднос, он сел, и атмосфера за столом сразу стала менее свободной и расслабленной.

«Вот... не мог приехать пораньше и найти себе другой стол?» – подумала я, берясь за свой бутерброд.

– Вилар, так из какой ты страны? – между тем лениво поинтересовался Хэйвуд. – Не то чтобы мне было интересно. Это я так, для поддержания разговора.

Генри мрачно на него посмотрел, а я, независимо дернув плечом, отозвалась:

– Из далеко. Далеко-далеко.

– Ты что, не знаешь, откуда приехал? – Хэйвуд вздернул бровь, и я бросила панический взгляд на Генри. Он же так и не сказал, что у меня за паспорт!

– Я знаю, просто ваш язык такой сложный, я забываю все слова, – произнесла я, намеренно коверкая речь. Тут Генри, схватив вилку, принялся чертить что-то на столе, и, смекнув, я скосила глаза на столешницу. Сначала он ткнул вилкой в одну точку, и я начала:

– Я приехал из одного места. Оно очень далеко...

– Это мы уже слышали, – с издевкой заметил Хэйвуд, и я на миг сверкнула на него глазами. Генри меж тем начал изображать волнистые линии, и, догадавшись, я затараторила:

– Это место находится среди бушующих вод, то есть волн. Они бушуют, бушуют, бушуют, – слишком много они бушуют, подумала я и продолжила: – и набегают на крошечный клочок суши, затерянный в океане, потому что... это остров! – вдруг сообразив, победно выкрикнула я и даже привстала. – Я приехал с острова!

Генри устало кивнул, и я села, довольно глядя на Хэйвуда.

– А название у этого острова есть? – вкрадчиво спросил тот, и я снова покосилась на Генри. Друг, закатив глаза от настырности моего однокурсника, снова взял в руки вилку – но вместо того чтобы чертить на столе, указал на жареную рыбу на своей тарелке.

– Э-э-э... остров Рыб, – сказала я, но Генри едва заметно качнул головой. – То есть не рыб, просто название похоже, а... – вилка все так же указывала на рыбу, скорбно вытаращившую глаза, и я рискнула предположить: – остров Трески! То есть не трески, ваш язык такой сложный... остров Селедки... остров Кильки... неужели Палтуса? – выкрикнула я, вконец раздраженная этими рыбными названиями. Тут наконец действие заклинания закончилось, и Генри, облегченно выдохнув, ответил за меня:

– Остров Сардиния. Он из Сардинского королевства, – и вонзил вилку в рыбу.

Я, выдохнув одновременно с ним, принялась за свой обед. И, только посмотрев на Эйдена Хэйвуда, поняла, что он вперил в меня прищуренный взгляд, так и не притронувшись к своей еде, и взгляд этот исполнен подозрения.

После обеда у меня еще осталось время до начала следующего занятия, и я решила зайти в комнату. Шагая по длинным коридорам, я вновь и вновь прокручивала в голове недавний разговор за столом. Похоже, Хэйвуд решил, что я – совершенная дурочка. То есть дурачок. Который даже не знает, откуда он приехал. Я сокрушенно вздохнула – как-то я не привыкла к такому, в пансионе у меня всегда были отличные оценки, и чувствовать себя глупо мне не нравилось. Однако, оказалось, Эйден Хэйвуд не подумал, что мне недостает мозгов, – он подумал кое-что другое.

– Вилар, – раздалось неожиданно близко, и рука, вдруг схватившая мое плечо, прижала меня к стене коридора. Вздвогнув, я недоумевающе подняла глаза на стоящего передо мной Хэйвуда. – Какой-то ты подозрительный, Вилар, – задумчиво сказал он, окидывая меня долгим взглядом. У меня вдруг пересохло в горле: он понял, что я девушка! Однако он, не ослабляя хватки, продолжил: – Не шпион ли ты? Хотя разве такого идиота возьмут в шпионы...

– Я? Конечно нет! – возмутилась я. – Я просто приехал учиться!

Шпионаж – это же совершенно недостойное занятие, которым воспитанная молодая леди не должна заниматься. Конечно, в учебниках по этикету про шпионов ничего не писали, но мне подумалось, что мадам Фоббс со мной согласилась бы. И поэтому нечего меня в таком подозревать!

– Назови мне столицу Сардинского королевства? – вкрадчиво поинтересовался Хэйвуд.

Он все еще стоял так близко, что, если бы не темень коридора, я разглядела бы каждую его ресничку, и это меня жутко нервировало. До меня доносился легкий морозный запах, а воздух вокруг Хэйвуда еле заметно искрился от окутывающей парня ледяной магии. Да он сильный маг...

– Сардино... полис, – с заминкой ответила я. Хэйвуд нахмурился, но, вероятно, он и сам не знал названия, потому что продолжил допрос:

– А скажи что-нибудь по-сардински?

– Бла блю бли бла бла плю, – дрожащим голосом отозвалась я, но вдруг сообразила, что не обязана ничего ему говорить, и дернулась: – Отпусти меня!

– Что это значит? – спросил он, снова вжимая меня в стену.

– Как поживаете, – недовольно пояснила я.

– А теперь повтори еще раз, – приказал Хэйвуд почти с нежностью, и я поняла, что тут уж точно попалась. Поскольку не запомнила, что сейчас сказала. Сколько там было «бла» и «блю»?

– Да хватит меня допрашивать! – возмутилась я и, собрав все силы, оттолкнула его. – Мне некогда учить тебя языкам, – договаривая, я спешно свернула из коридора в какой-то холл. Нужно побыстрее сбежать отсюда.

Однако Хэйвуд догнал меня в два шага и цепко схватил за локоть. Открыв рот, он уже собрался сказать что-то еще, но его слова перекрыл вопль, напоминающий рев раненого носорога:

– Наших бьют! Эмиль! Держись, я иду!

Вздрыгнув, я обернулась – и увидела в конце коридора бегущего к нам Томаса, на ходу творящего какое-то заклинание. «Ему же нельзя колдовать», – щелкнуло у меня в голове.

Хэйвуд чертыхнулся, а затем вдруг отпустил меня и резко поднял руки вверх – туда, откуда на нас уже летела сплошная стена бушующего огня. Из его ладоней вырвались сияющие серебряные искры, которые в метре от наших голов превратились в ледяную глыбу. Огненный поток, падающий вниз, наткнулся на эту преграду, и послышалось шипение тающего льда. Томас невнятно стонал вдали, не в силах развеять собственное заклинание, а я оцепенела от ужаса. В голове вдруг промелькнула мысль, что мы умрем.

Огонь вверху стремительно прожигал ледяную преграду, но из рук Хэйвуда непрерывным потоком лилась магия, намораживая новый слой. Его лицо было спокойно, однако я все сильнее паниковала. Похоже, Томас оказался чрезвычайно сильным магом.

«Нужно помочь», – пронеслось у меня в голове.

Не думая, я прижала обе ладони к груди Хэйвуда, напротив сердца, и направила в него чистый магический поток. Он смотрел вверх, на голубую прослойку льда, за которой бушевало море огня, но дернулся, ощутив чужую энергию. Опустив на меня взгляд, Эйден что-то прокричал. Я даже не услышала что – в ушах у меня стоял звон, напоминающий противный комариный писк.

Глыба льда над нашими головами начала стремительно истончаться. Я уже приготовилась к тому, что сейчас на нас обрушится огонь, как вдруг из рук Хэйвуда вырвался новый поток искр. Ледяной щит вмиг стал толще и, достигнув высоты потолка, полностью вобрал в себя огонь, чтобы тут же рассыпаться крупными снежинками.

Звуки вернулись в один миг. Я услышала громко ругающегося ректора Филлипса и вопящего, что все умерли, Томаса. А еще – судорожно вдыхающего воздух Эйдена. Последний стоял всего в нескольких сантиметрах от меня, и на его лице было написано неверие, граничащее с шоком.

Мои ладони все еще лежали на его груди, а на наши головы падал крупный, пушистый снег. Словно очнувшись от сна, Хэйвуд одним резким ударом отбросил мои руки, и я отшатнулась. Шок на его лице медленно сменился ужасом и отвращением, словно я только что убила всю его семью, сварила из них супчик и предложила ему перекусить. Да что это с ним?

Глава 7

– Что тут произошло? – отвлек меня голос ректора. Подбежав к нам, он нацелил свои очки-лупы на засыпанного снегом Эйдена Хэйвуда и вдруг побелел так, что сравнялся цветом со стеной. – Хэйвуд? Вы целы?

В мою сторону он едва взглянул, зато Хэйвуд все еще тараторил на меня с тем же выражением ужаса на лице, от которого мне стало как-то не по себе.

С трудом отведя взгляд, он холодно заверил профессора, что все в порядке, отчего ректор облегченно выдохнул. Я же только судорожно кивнула, показывая, что тоже цела. Теперь, когда опасность миновала, я смогла оглядеться по сторонам и оценить масштаб разрушений.

Собственно, говорить о том, что ректор побелел, как стена, было неправильно, потому что стены стали неравномерно-черными, покрытыми пятнами копоти и сажи. Все дипломы и грамоты, развешанные в холле, сгорели дотла. Разглядев рамочку от какой-то грамоты, закопченную, с частично оплавленным и частично лопнувшим стеклом, я с трудом удержалась от того, чтобы не хлопнуться в обморок. Если бы не Хэйвуд, то я сейчас была бы такая же обугленная.

Ректор Филлипс, похоже, тоже подумал об этом, потому что белый цвет его лица сменился красным, и он обернулся к Томасу.

– Альбертсон! – рявкнул ректор. – Я говорил вам не колдовать вне аудиторий?

– Профессор Филлипс! – Томас, подбежав к нам, встал рядом со мной. На его носу и щеках красовались пятна сажи, а галстук оказался прожжен в нескольких местах – наверное, до него долетели копоть и искры, когда тут все горело. – Вилара били, и я побежал на помощь! Я хотел сделать заклинание дождя, но что-то пошло не так, и вместо этого... ну, сами видите, – неловко закончил он.

– Меня не били, мы просто разговаривали... – пискнула было я, но тут профессор Филлипс перебил меня:

– Все, мое терпение кончилось! – Он рассвирепел настолько, что его глаза, казалось, вот-вот начнут метать молнии. Мне вдруг представилось, как эти молнии, усиливаясь очками, жалят провинившихся студентов, и я поежилась. – Вы своими стихийными выбросами уже испортили две аудитории, а теперь чуть не сожгли других адептов! До конца года будете у меня ходить в антимагических браслетах! Нет, не до конца года, а пока не научитесь себя контролировать!

Мага – в антимагические браслеты? Это жестко. Однако Томас действительно чуть нас не прикончил...

Я уже собралась бочком убраться из холла и пойти в свою комнату, как ректор вдруг перевел свои очки-лупы на нас с Хэйвудом.

– А вы двое наказаны за драку в академии, – припечатал он и нервно дернул подбородком. – Идите к своему куратору, он сам назначит наказание. За мной! – Это было уже Томасу, и тот уныло поплелся за ректором, волоча свою сумку по полу за ремень.

Я поняла, что сейчас идти к ректору и объяснять, что мы совсем не дрались, бесполезно. Вздохнув, я отправилась на поиски куратора нашей группы, профессора Ферро. Ох, зря я хотела попасть в его театральный кружок... Придется мне теперь отбывать там наказание, пока у него не пропадет необходимость в помощниках. Точнее, до того момента, пока я не уеду из академии через два месяца.

Однако мои мысли быстро перескочили на другое. Хэйвуд. Мне показалось, что ректор чуть не умер от ужаса, когда понял, что Хэйвуд мог пострадать. И Томаса он наказал строже, чем раньше, – тот ведь уже пожег две аудитории, и никто не лишал его за это магии. А сейчас ему грозят антимагические браслеты.

Чем так ценен этот заносчивый тип? Своей редкой магией? Но она не настолько редка, чтобы носиться с ним, словно Хэйвуд – принц, обучающийся у нас инкогнито. Принцу пока только год, и сейчас он обучался разве что навыкам прямохождения и прямобегания, так что этот вариант точно отпадал. Может, его родители – важные шишки?

Не удержавшись, я оглянулась на шагающего следом за мной одноклассника. Ему нужно было туда же, куда и мне, – к профессору Ферро за наказанием, – но Хэйвуд демонстративно шел в нескольких шагах от меня. Словно я была недостойна его компании.

Поймав мрачный, застывший взгляд, направленный прямо на меня, я резко отвернулась и дернула плечом. Ну и ладно. Пусть смотрит как хочет. Нам необязательно дружить, у меня есть Генри. Хотя, конечно, эта непонятная враждебность была обидной – что я ему сделала? Мы даже познакомиться толком не успели.

Тут мы наконец добрались до школьного театра, где был устроен кабинет нашего куратора, профессора Ферро, и, толкнув двери, шагнули в темный, хоть глаз выколи, зал. Пора было пойти и раздобыть себе наказание.

Стоило сделать шаг внутрь, как под потолком вспыхнули магические огни в хрустальных люстрах. Нашим взглядам предстали ряды обитых красным бархатом кресел и сцена, занавешенная красным же занавесом. Театр был большой и пустой. Помявшись на пороге, я двинулась вперед, как вдруг сбоку послышался голос нашего куратора.

– Адепты! – Профессор Ферро обрадовался нам как родным. – Неужели уже успели что-то нарушить? Ну пойдёмте, пойдёмте же в мой кабинет, я подумаю, к какой работе вас лучше приставить. То есть, как же вас наказать, чтобы вы раскаялись и больше ничего не нарушали.

Мы поплелись следом за преподавателем по длинному извилистому коридору, напоминающему ров гигантского червя, и попали в кабинет – заваленный театральным реквизитом, пыльный и большой. На шкафу были стопкой сложены пиратские шляпы, на стене висели карнавальные маски, а в преподавательском кресле почему-то разместился гигантский зуб из папье-маше.

– Нарушители! – Профессор Ферро с предвкушением потер пухлые ручки и, переставив зуб на пол, сел в кресло сам. – И что же мне с вами делать? За что, говорите, ректор вас ко мне отправил?

Он выглядел таким довольным, словно мы сообщили о том, что ему присудили все театральные награды и пригласили возглавить королевский театр на площади Хонни Сквер.

– За драку, – с неохотой сообщила я, потому что Хэйвуд молчал, словно воды в рот набрал. – Но мы не дрались, честно! Мы просто разговаривали, – вскинув голову, с жаром произнесла я, – а Томас все неправильно понял и начал колдовать, а потом сказал ректору Филлипу, а тот...

– Веди себя как мужчина, Вилар, – сквозь зубы процедил стоявший слева от меня Хэйвуд. – Подумаешь, наказание! Ты что, совсем не способен отвечать за свои поступки?

Я тут же замолчала, внутренне кипя. За свои поступки я могу отвечать, а за те, что мне приписывают, как-то не хочется! Однако мне так же не очень хотелось, чтобы кто-то понял, что я – совсем даже не мужчина. Поэтому мне осталось только смерить Хэйвуда испепеляющим взглядом и повернуться к профессору Ферро. Ладно, если мы не оспариваем наказание, придется его принять.

– Куда вы, Хэйвуд, его стукнули? – вдруг спросил довольный преподаватель, который во время этой пылкой речи с любопытством смотрел на меня. – Смотрите, какой прогресс в эгтерионском! Куда только акцент подевался – и все после одной драки! Зря в школах стали отменять телесные наказания, ох зря, – посетовал он. – Ну да ладно. Расскажите мне, какие у вас есть таланты? Рисуем хорошо? Мне нужно много декораций. В этом году я буду ставить «Ромео и Джульетту», так что понадобится и бальный зал, и балкон, и подземелье...

– Плохо, – с облегчением отозвалась я. Акварели у меня выходили всегда какие-то кривенькие, а вышивать я могла только, если кто-то нанесет на ткань рисунок.

– Может, тогда играете на пианино? – не терял надежды преподаватель, и я была вынуждена кивнуть. Хэйвуд рядом со мной хранил высокомерное молчание.

– Хотя о чем это я, – профессор вдруг окинул нас двоих таким плотоядным взглядом, что я внутренне содрогнулась. – Рисунки, пианино... Вы же у меня драчуны! Значит, наказать вас стоит на весь семестр. А за семестр вы как раз успеете принять участие в моей новой постановке! – Вдруг подскочив с места, профессор Ферро с неведомой прытью выбрался из-за стола и, схватив меня за плечи, покрутил туда-сюда. – Точно! Юноша, я вижу в вас талант! Вы такой хилый и дохлый, что... То есть, я имею в виду, вы такой талантливый, что сыграете в моей постановке Джульетту! А вы, – тут пухлая рука профессора указала на Хэйвуда, – будете Ромео! О, что это будет за постановка! – Профессор мечтательно прижал руки к груди.

– Я не буду с ним играть!

– Я не буду Джульеттой! – почти одновременно завопили мы с Хэйвудом. Если мне придется играть девушку, то только слепой не заметит, что я, собственно, девушка и есть! В полнейшем ужасе обернувшись к Хэйвуду, я увидела, что эта новость все же пробила маску невозмутимости – его глаза сверкали от негодования.

– Ищите другого актера, а я лучше буду Тибальтом! – категорично заявил он. – Тем более его убили в середине, меньше мучиться. Я не буду признаваться в... в общем, я не буду играть Ромео!

Я невольно зауважала Хэйвуда за крепкие литературные познания. Я вот ни за что бы не вспомнила, кого и когда там убили.

– Ох, не переживайте! – чуть ли не пропел профессор Ферро. – У нас есть прекрасное платье для Эмили, по его размеру и с такими, знаете ли, набитыми мешками спереди. Оно ему чудно подойдет, вы даже не заметите разницы! Джульетта из него выйдет превосходная. А если хотите поменяться ролями – то, пожалуйста, подеритесь еще с кем-нибудь, потому что пока у меня только два актера. Ах, какая будет постановка! – Профессор Ферро, мечтательно глядя вдаль, положил руки нам на плечи.

Наверное, в его воображении ему уже рукоплескала восторженная публика, а может, даже качала на руках за прекрасный спектакль. Передо мной же замаячил призрак близкого провала. О чем подумал Хэйвуд, я не знала: едва услышав про платье с мешками спереди, он глянул на меня с таким отвращением, словно я самолично их туда пришила. Больше я не осмеливалась на него смотреть.

«А зачем, кстати, на платье мешки?» – подумала я, и тут в голове мелькнула догадка. Какой ужас! В платье с мешками, которые улягутся на мои собственные... кхм... на мою собственную фигуру, я буду как никогда похожа на девчонку. Меня точно раскроют!

Тут, разорвав повисшее в кабинете молчание, в дверь вломился Томас. Он с лету врезался в манекен, на котором красовался головной убор индейского вождя. Затем столкнулся с небольшой этажеркой-статуэткой, и та свалилась на ковер. И, наконец, предстал перед нами.

– О, вы уже помирились! – обрадованно произнес он при виде нас. Хэйвуд тут же, качнувшись, как-то ловко высвободился, а профессор, кашлянув, убрал руки. – Смотрите, какие у меня штуки! – Том поддел рукава и показал нам тонкие браслеты из чего-то вроде меди, густо покрытые рунами. В его голосе звенел неподдельный восторг. – Настоящие антимагические оковы, как у преступника в Уллоксе!

Уллокс, в прошлом обычную королевскую тюрьму, пару сотен лет назад переделали в темницу для особо опасных магов. Не особо опасным просто блокировали магию и отпускали на волю, а в Уллоксе томились самые злонамеренные убийцы.

– Великолепно, очень... э-э-э... красивые, – осторожно отозвался профессор Ферро. – А что же привело вас ко мне, мой юный друг?

– А! Меня наказали, – радостно ответил Томас и невоспитанно ткнул в нас пальцем. – Я чуть их не сжег.

Точно! Прищурившись, я возмущенно уставилась на Томаса. В памяти всплыла медленно опускающаяся на нас стена огня и жар, который ощущался даже через ледяной щит.

– Я нечаянно! – тут же испуганно пискнул Томас, переводя взгляд с меня на Хэйвуда. Наверное, мое выражение совсем не смягчилось, потому что Томас вдруг подлетел ко мне, схватил за плечи и затряс так, что моя голова замоталась взад-вперед. – Эмиль, друг, я чуть не убил тебя! Прости меня, прости!

– Ничего, – с трудом произнесла я под клецанье зубов.

Тут Томас, к счастью, вспомнил про свою вторую жертву и было сунулся извиняться к нему, но Хэйвуд ловко увернулся, и под его ледяным взглядом Томас сразу стушевался.

– Вот и еще один актер в нашу трупшу! – отметил профессор Ферро со своего места. Пока Томас тряс меня, преподаватель уже успел по пояс занырнуть в свой стол и вытащить из него стопку книжечек. Сейчас он, сдув пыль, листал одну из них. – Томас, вы будете играть... э-э-э... – Видимо, он разыскивал роль, при которой Томас мог бы нанести наименьший ущерб его театру. То есть роль человека, который за весь спектакль не притронется к мечу, ножу, яду и желательно будет просто стоять на одном месте. – Кормилицей Джульетты! У нас даже есть подходящее платье, совсем вам по размеру и с такими мешками спереди, вам очень пойдет!

Томас согласно кивнул, ничуть не смущаясь того, что ему предстоит играть кормилицу. Пока профессор искал для нас сценарии, которые были менее всего погрызены мышами, Том успел потрогать гипсовый бюст Аполлона в нише неподалеку, и у того вдруг отвалился кусочек гипса с носа. Затем он восторженно цапнул механические часы, и у тех, жалобно тренькнув, лопнула какая-то пружинка. Поняв, что так Томас скоро разнесет ему весь кабинет, профессор Ферро быстро раздал нам сценарии и выпроводил прочь.

– Завтра в три жду вас в театре! Учите роли! – выкрикнул он нам вслед и плотно захлопнул дверь, чтобы Томас вдруг не вернулся обратно.

Я поняла, что мне все-таки придется играть Джульетту. Только Ромео – тут я ненароком поймала полный неприязни взгляд Хэйвуда – смотрит на меня так, словно готов собственноручно пристукнуть.

«Вот взял бы и ушел! – раздраженно подумала я и первая двинулась к выходу из театра. – Если я ему так противна, то почему он не может перестать на меня глазеть?»

Впрочем, сразу после того, как мы вышли из театра, Хэйвуд утопал в неизвестном направлении, не удостоив нас с Томасом ни единым словом. Я же вдруг почувствовала жуткую усталость и побрела в свою комнату. Там все еще никого не было, и поэтому я зашла в ванную и плеснула в лицо холодной воды. Какой насыщенный событиями день! А ведь еще даже не вечер. Скорее бы увидеть Генри и рассказать ему обо всем. Может, он придумает, как мне отвертеться от роли Джульетты? Или хотя бы подскажет, почему Хэйвуд держится так, словно мы с ним действительно из двух враждующих семейств?

Однако, едва я подошла к нашему столу, набрав полный поднос еды, как тут же передумала жаловаться Генри. Потому что меня встретил Томас, под глазом которого красовался ярчайший фонарь: будь сейчас ночь, он мог бы в одиночку осветить всю столовую.

– Томас, кто это тебя? – пораженно воскликнула я и с подозрением уставилась на невозмутимо и аристократично пилящего стейк Хэйвуда. – Это что, ты?

– Почему сразу я? – Тот, задрав бровь, хмыкнул. – За этим столом, кроме меня, еще есть люди.

Я медленно повернула голову и наткнулась на серьезный взгляд Генри – человека, который сегодня утром сказал, что вырвет Томасу руки, если тот будет колдовать возле меня. Неужели это он так «украсил» моего непутевого одноклассника?

Глава 8

Под моим вопрошающим взглядом Генри вздохнул и еле заметно кивнул. Но, едва я открыла рот для вопроса, он одними губами шепнул: «Потом». Растерянно взяв вилку, я принялась за еду. Действительно, лучше мне не спрашивать про драку при посторонних.

У меня в голове все перемешалось. Я совершенно точно знала, что вежливые люди не дерутся, а значит, Генри поступил неправильно. Однако я также была уверена, что Генри всегда все делает правильно. Это была непреложная аксиома моей жизни – я всегда поддерживала Генри, что бы он ни делал, а он – меня. Но... может, в этот раз он перешел черту?

С другой стороны, это вежливые леди не дерутся, а не вежливые люди. Мужчины вполне могут и боксировать, и даже вызвать друг друга на дуэль. До этого я жила в закрытом мире женского пансиона, и такие вещи, как драки и дуэли, доносились до нас лишь в виде слухов. Да и то, мадам Фоббс старалась оградить нас от всяческих скандальных сплетен.

А теперь я в магической академии, среди парней. Похоже, мне нужно принимать новые правила игры. Драться я, конечно же, никогда не буду, что бы ни случилось. А Генри... наверное, он сделал то, что должен, раз он это сделал.

Я попыталась представить, что Томас случайно едва не сжег не нас с Хэйвудом, а Генри. От этой мысли мне стало чуть ли не физически плохо. Генри всегда был рядом, даже когда все остальные дорогие мне люди ушли, и жизни без него я не могла представить. Пожалуй, я тоже очень рассердилась бы на Томаса. Может, я бы даже стукнула его! И точно бы что-нибудь ему сказала. Что-нибудь строгое! Однако при мысли о том, что Томас мог бы навредить Генри, вместо строгих речей в моем воображении появлялись картины, как я набрасываюсь на одноклассника и душу, и поэтому я предпочла отогнать их. Глупости, я бы так не поступила.

Опомнившись, я поняла, что невидящим взглядом смотрю в свою тарелку, и усилием воли вернулась к реальности. Ничего же страшного не случилось? Значит, лучше не думать о том, что могло бы произойти, а то можно много надумать.

Пока мы ужинали, Томас умудрялся болтать за четверых, и по мере его рассказа на лбу у Генри прорезывалась все более глубокая поперечная морщинка. А мне вдруг и вправду захотелось стукнуть слишком непосредственного Томаса. Он разболтал все о том, что случилось днем, включая свои домыслы по поводу нашей с Хэйвудом драки. При этой новости Генри даже отложил вилку, и я поспешила вмешаться.

– Да не дрались мы! – выпалила я, едва в речи Томаса образовалась малейшая пауза и, повернувшись к Генри, повторила: – Честно, не дрались!

Хэйвуд же снес этот поклеп с презрительным молчанием – мол, что бы ни говорили о нем всякие невежи, его это не волнует.

– Да ладно тебе, тут же нет преподавателей, – беспечно махнул рукой Томас и перешел к тому, что теперь мы будем все вместе играть в пьесе и как он рад, ведь это дико интересно.

В общем, он выболтал и то, что я буду расхаживать в платье в роли Джульетты, и назначение Хэйвуда на роль Ромео, отчего брови Генри едва не встретились с прической. Я нервно схватила свою чашку с чаем и отпила сразу половину: мне хотелось самой сообщить эту новость. Ох, чувствую, сейчас друг выскажет мне о такой неосторожности... Вот как я попала в такую двусмысленную ситуацию?

Однако после ужина Генри не спешил с воспитательными беседами – вместо этого он намеренно отстал и что-то тихо сказал Хэйвуду, а потом быстро догнал меня. Выражение лица Хэйвуда никак не изменилось, поэтому угадать, о чем они говорили, было невозможно. Однако Хэйвуд вдруг на миг вскинул на меня глаза, и его взгляд был очень, очень внимательным. Поспешно отвернувшись, я зашагала следом за Генри.

Он все шел и шел, и вскоре мы вышли из академии и углубились в чахлый парк позади здания. Не в силах больше выносить молчание, я оббежала друга и схватила за руку.

– Ты на меня злишься? – спросила я. Рука Генри под моей ладонью напряглась, и я ответила сама себе: – Точно, злишься.

– Нет, – Генри наконец-то посмотрел на меня, и в его зеленых глазах промелькнула досада. Выдохнув, он накрыл своей рукой мою: – Я злюсь на себя. Я должен был защищать тебя в академии, а вместо этого ты в первый же день чуть не погибла. Я должен был предусмотреть это...

– Не должен был, – перебила я его. На меня одновременно нахлынуло и облегчение оттого, что Генри не обижается на меня, и желание его успокоить. Не нужно другу так из-за меня переживать. – Ты же не можешь постоянно ходить за мной по пятам и оберегать от всего, Генри.

– А кто тогда будет оберегать тебя, если не я? – спросил Генри серьезно, и все у меня внутри замерло от того, что он поднял эту тему.

Да, у меня больше никого нет. Родители погибли, и кроме Генри, всем, в принципе, глубоко безразлично, жива я или нет. Но... Мы никогда не обсуждали это. Мы вообще не касались ничего серьезного, предпочитая подшучивать друг над другом. Для этого же и нужны друзья – поднимать настроение? Такой серьезный настрой меня немного напугал, и я попыталась вернуть наше общение в обычное русло.

– Сдается мне, мистер Кармайкл, что вы невысокого мнения о женщинах, – я лукаво улыбнулась. словно бы невзначай повернувшись, я высвободила руку из захвата Генри и вместо этого схватилась за его локоть, словно мы были на светской прогулке. – Считаете, что я не смогу справиться со столь незначительными трудностями?

Генри в ответ тяжело вздохнул, но все же галантно отозвался:

– Тот, кто считает, что вы не в состоянии справиться с трудностями, мисс Бишоп, явно плохо вас знает.

Я с облегчением выдохнула. Не хочу, чтобы на его лице поселилось это тревожное и мрачное выражение, которое я не раз заметила сегодня. Пусть все будет как прежде. Да и не нужно так беспокоиться, в конце концов, это академия, а не лес с разбойниками.

– А что ты сказал Хэйвуду? – вдруг вспомнила я.

– Ничего особенного, – успокоил меня Генри. – Просто предупредил, что если он к тебе полезет, то будет иметь дело со мной.

Я вздохнула – похоже, он все же принял слова Томаса о нашей с Хэйвудом «драке» близко к сердцу. Ничего, надеюсь, после того как Томас чуть не спалил нас, Хэйвуд будет держаться от меня подальше, и Генри убедится, что мне никто не угрожает.

После короткой прогулки я совершенно успокоилась. Мы с Генри успели обсудить, как мне играть Джульетту, чтобы не вызывать подозрений по поводу своего пола. Друг посоветовал подложить подплечники под платье и двигаться как можно более неуклюже, и я согласно кивнула. Учту.

Осенью темнеет быстро, и вскоре мы были вынуждены вернуться в академию. Махнув Генри на прощанье, я свернула в коридор третьего этажа и, улыбаясь, зашагала к своей комнате. Все будет хорошо. Разве можно с чем-то не справиться, когда друг рядом и поддерживает меня?

Однако, едва я открыла дверь и ступила в комнату, как улыбка завяла – потому что навстречу, толкнув дверь ванной, вышел Эйден Хэйвуд собственной персоной. Эйден Хэйвуд в одной рубашке и брюках, с мокрыми волосами и полотенцем через плечо, отчего мне стало совершенно ясно, кто мой сосед по комнате. Эйден Хэйвуд, смеривший меня неверящим взглядом. Впрочем, неверие в его глазах тут же сменилось раздражением.

– Ты! – сквозь зубы процедил он и резко сдернул полотенце с плеча. – Ты что, следишь за мной? Куда я ни пойду – везде ты, Вилар!

– Я? – Я даже задохнулась от негодования. – Вообще-то я первый поселился в этой комнате! И первый сел за стол в столовой! Может, это ты за мной следишь?

Хэйвуд уже открыл рот, чтобы сказать что-то колкое, но его взгляд вдруг застыл, а лицо побледнело. Он смотрел куда-то вбок и поверх моей макушки, и я даже специально перевела взгляд туда же, но увидела лишь ничем не примечательную стену.

Отмерев, Хэйвуд сделал один длинный шаг вперед – и я вжалась в дверь, судорожно нашаривая ручку за спиной.

– Держись от меня подальше, – медленно, чтобы до меня точно дошел смысл слов, процедил Хэйвуд, наклоняясь ко мне. Он было потянулся к моему горлу, но на полпути резко остановился и вместо этого впечатал ладонь в стену у моей головы. – Понял?

Глаза Эйдена, в которых горела нешуточная злость, оказались совсем рядом с моими, и я застыла, как кролик перед удавом. Я могла разглядеть каждую каплю воды, застывшую на его темных волосах. Он чего-то ждал, и, сообразив, я судорожно кивнула – да, поняла.

Высокомерно хмыкнув, Хэйвуд развернулся и утопал обратно в ванную, а я облегченно выдохнула, сползая по двери.

– Это ты держись от меня подальше! – все же крикнула я ему вдогонку, но получилось как-то пискляво. Поднявшись, я почти упала на свою кровать и в сердцах стукнула ладонью по подушке. Псих! Вот как мне жить с таким ненормальным целых два месяца? Вдруг однажды утром ему покажется, что я подошла слишком близко, и он меня пристукнет?

«Не буду обращать на него внимания, – решила я. – Все, с этого момента Хэйвуд не дождется от меня ни «Доброго утра», ни «Спокойной ночи». А вскоре он сам поймет, какой я замечательный человек, и захочет подружиться, но я уже не соглашусь. Ни за что!»

Представив Хэйвуда, с рыданиями ползающего на коленях и стенающего, как он был неправ, я немного успокоилась и занялась распаковкой чемодана. К счастью, у нас с Хэйвудом было по собственному шкафу – подходить к нему или к его вещам я теперь опасалась. Вдруг ему снова что-то померещится, и он начнет мне угрожать?

К тому моменту, как я разобралась с вещами, Хэйвуд как раз вышел из ванной. Демонстративно не замечая меня, он прошел к своей кровати и, оглядевшись по сторонам, сел на нее. Будь он нормальным, я могла бы поддержать его, сказав, что академии стоило раскошелиться хотя бы на стулья. Но вместо этого я молча встала, сгребла в охапку свое полотенце с пижамой и пошла в ванную комнату. Уже поздно, лучше я проведу все время до отбоя там, чем в комнате с Хэйвудом.

Решив не ограничивать себя, я набрала ванну доверху и забралась в нее. Точнее, сначала я тщательно задвинула защелку, потом подергала ее, чтобы удостовериться, что та прочно держится, затем добавила в воду мыла и, разболтав до плотной пены, наконец-то осмелилась забраться в ванну. Я намеревалась понежиться в ней минимум полчаса – но, едва я оказалась в воде и, соответственно, без одежды, мне тут же начало казаться, что Хэйвуд точно скоро ворвется в ванную комнату. Вдруг он забыл почистить зубы? Вдруг ему понадобится расческа? Он может выбить дверь или даже открыть защелку магией...

Представив, как одногруппник влетает ко мне за какой-то надобностью, его глаза пораженно расширяются, и он негодуяще вопит на весь этаж: «Женщина!», я не выдержала. Выбравшись из ванны, я принялась спешно одеваться. Лучше просто посижу тут, в одежде.

В ванной имелось зеркало и, надев пижаму, я окинула себя критическим взглядом. Толстая уютная фланель успешно скрыла все изгибы фигуры, а волосы, намкнув, начали виться еще сильнее и выглядели даже короче, чем днем. На девушку я сейчас была не слишком похожа – скорее на того самого пастушка, которого играла в рождественской пьесе два года назад. Его еще недавно вспоминал Генри.

Я собиралась еще подождать в ванной, но случайно бросила взгляд на дверь и сообразила, что узкая полоска света, пробивающаяся из-под нее, пропала. Хэйвуд что, уже лег спать?

Осторожно открыв дверь, я выглянула и действительно увидела перед собой темноту. То, что сосед не стал дожидаться и невежливо затушил свет, было мне на руку. Собрав свои вещи, я на цыпочках прокралась к кровати и принялась аккуратно развешивать одежду на ее спинке, чтобы та не измялась.

Тут Хэйвуд что-то неразборчиво пробормотал, и я, вздрогнув, выронила рубаху. Вот же... Пришлось поднимать ее, встряхивать и вешать обратно.

– У котят слишком много усов, – вдруг вполне четко произнес он и добавил: – Апельсины.

Он что, еще и во сне разговаривает? Негодующе фыркнув, я было оглянулась на свою кровать, а потом медленно, неслышно пошла к нему, чуть ли не против своей воли. Мне хотелось посмотреть, спит он или притворяется.

Хэйвуд спал. В падающем из окна лунном свете я четко видела его закрытые глаза, лоб, бледное лицо с лихорадочно горящими щеками. Зрачки под тонкой кожей век непрестанно двигались – похоже, ему снился сон. Я нахмурилась – я, конечно, не лекарь, но что-то он неважно выглядит.

Поколебавшись, я все же села на край постели. Мне ужасно хотелось малодушно сбежать в свою кровать, но совесть не позволила. Я должна была хотя бы проверить, в порядке ли он.

Протянув руку, я на миг замерла. Решившись, я положила руку ему на лоб – и тут же отдернула. Да у него жар! Лоб был просто раскаленным. Моя рука по сравнению с ним казалась ледяной.

– Эмиль Вилар, – вдруг произнес Хэйвуд. Испуганно вскинув на него взгляд, я осознала, что он смотрит прямо на меня.

«Он же сказал держаться от него подальше... Сейчас он меня убьет», – успела подумать я, и тут Хэйвуд резко потянул меня на себя.

Упав на него, я сразу же дернулась – однако он, воспользовавшись моментом, уже успел подмять меня и навалиться сверху.

– Эмиль Вилар, – его лихорадочно блестящие глаза впились в мое лицо, а руки прижали запястья к кровати. Я пискнула, едва не теряя сознание от ужаса. – Если у тебя есть хоть капля мозгов, Вилар, то беги от меня, беги как можно быстрее, – выдохнул он, до боли сжимая мои запястья.

Глава 9

– Хэйвуд, – отозвалась я дрожащим голосом. Я изо всех сил пыталась сохранить спокойствие, но получалось плохо, потому что... он же практически лег на меня! Вдруг он сейчас просто меня задавит? Или, еще хуже – поймет, что я женщина? Зачем я вообще подошла к нему! – Эйден, у тебя жар. Наверное, ты не успел потратить мою огненную энергию. Просто передай ее обратно, и тебе станет лучше, хорошо?

Энергией рекомендовалось делиться только в самых экстренных случаях. Попав в чужое тело, она вела себя непредсказуемо и, если ее сразу не преобразовать, могла доставить немало неудобств. У Хэйвуда, похоже, были проблемы с усвоением чужой энергии, если от того небольшого количества, что он получил, у него поднялась температура.

Пока я говорила, взгляд Хэйвуда переместился на мои губы. Выражение его лица не менялось, и я уже собралась повторить – может, он не понял? Однако сосед вдруг стремительно откатился – но, не успела я сбежать, обрадовавшись свободе, как он так же резко прижал меня спиной к своей груди. Его ладонь, задрав фланелевый край пижамного верха, легла на мой живот. Я застыла, чувствуя, что сейчас скончаюсь от ужаса. Мамочки, меня трогает мужчина! Позорище! Он что, не мог положить руку поверх одежды?

Однако Хэйвуду, вероятно, было совсем худо, и поэтому он выбрал такой способ: передавать энергию, прикасаясь к голой коже, гораздо легче. И через миг я поняла, почему: мне стало так же дурно. Вероятно, Хэйвуд плохо соображал от жара, потому что в меня потоком хлынула не только моя, родная и безопасная энергия, но и его, и я задохнулась от охватившего меня бесконечного холода.

– Хватит, Хэйвуд, – стуча зубами, проговорила я, пытаюсь отпихнуть его руку, но он лишь прижал меня еще сильнее. Да сколько же в нем этой энергии! Так он просто заморозит меня... Интересно, можно ли умереть от обморожения ледяной магией?

Это была последняя связная мысль. Еще раз попытавшись отпихнуть Хэйвуда, я поняла, что мои руки ослабли и стали как вареные. Глаза заволкло темной пеленой, и, кажется, я потеряла сознание.

Я спала, и мне было жутко, ужасно холодно. Хорошо хоть, со спины ко мне прижимался кто-то раскаленный, как печка. Горячая рука по-хозяйски лежала на моем плече, крепко прижимая к не менее горячему телу. В какой-то момент я сообразила, что если прижаться к нему грудью и свернуться калачиком, то будет теплее, – и, развернувшись, удобно устроилась на чужом плече. Чужом мужском плече... Мужском плече?!

Резко открыв глаза, я увидела перед собой мерно вздымающуюся грудь, укрытую черным шелком пижамы. Что? Я медленно подняла голову, и перед моим взором оказалось освещенное первыми рассветными лучами лицо Хэйвуда, спокойное и расслабленное. Вздвогнув, я подскочила чуть ли не на полметра.

– А? – сонно забормотал он. – Еще рано, спи...

Тут он, видимо, сообразил, что не знает, кто это с ним спит, и тоже открыл глаза. Я кубарем скатилась с постели, но, к сожалению, запнулась о его тапочки и свалилась прямо перед кроватью.

– Ой... – Голову тут же прострелило болью, и я схватилась за нее обеими руками. Как трещит! Словно меня вчера хорошенько стукнули.

– Вилар! – Непонимание в глазах Хэйвуда сменилось нешуточной яростью, и он вдруг схватился за одеяло и прикрылся им по самый подбородок, как стеснительная девица. – Чего ты забыл в моей постели, извращенец?

– Ты сам меня схватил и прижал, – слабо отозвалась я. Голова так болела, что я даже не могла нормально возмутиться, и при любом громком звуке казалось, что мне в череп забивают

гвозди. – А потом еще влил в меня кучу своей энергии, вот я и... потерял сознание прямо на твоей кровати. Ты что, не мог преобразовать мою энергию? Или потратил бы тогда...

Вспомнив, я кое-как встала и, подойдя к окну, протянула руку. За прозрачным стеклом появилась маленькая тучка, из которой посыпался рыхлый снег, а на самом стекле расцвели морозные узоры. Я слабо улыбнулась – красиво. Да и головная боль сразу пошла на спад.

– В следующий раз не вздумай передавать мне энергию, – раздраженно сказал Хэйвуд.

Отбросив одеяло, он направился в ванную, однако на полпути вдруг передумал и свернул в мою сторону, чтобы схватить за ворот пижамы. Ойкнув, я дернулась и замерла, когда его лицо оказалось совсем близко от моего, буквально в нескольких сантиметрах. Душа, в который раз за эти сутки, снова ушла в пятки, а сердце громко застучало в груди.

– Молчи об... этом, – сквозь зубы прошипел Хэйвуд, а когда я недоуменно моргнула, кивнул в сторону кровати. – Не то тебе не жить, Вилар. Понял?

Я застыла, как кролик перед удавом. Его серые глаза с темными ободками гипнотизировали, и я сообразила кивнуть лишь через несколько секунд. Однако Хэйвуд все не спешил отпускать меня. Он вытянул вторую руку и, схватив мой подбородок, повертел лицо вправо-влево.

– Сколько тебе лет, Вилар? – задумчиво спросил он. Тут я наконец осмелилась отбросить его руку и отскочить к своей кровати. – Ты что, еще не бреешься?

– Бреюсь, я уже даже сегодня утром успел побриться, – с вызовом ответила я. Ох, что-то он быстро меня заподозрил...

– То есть ты побрился и лег обратно ко мне в кровать? – уточнил Хэйвуд, и в его глазах вдруг появилась сменившая раздражение насмешка. – Не знал, что я настолько тебе понравился!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.